

Зигмунд Фрейд и Вильгельм Штекель о понимании сновидений

Ганс-Фолькер Вертманн

1. Две сестры-подружки

В книге хорошо известного психоаналитика, чье имя не имеет значения в нашем контексте, я наткнулся на следующий пример сновидения:

«Например, он видит во сне, что молочник заигрывал с его женой и его подругой. Он рассердился, отбросив молочника как мешок, и избивал свою жену, пока не устал. Это сновидение, несомненно, находится на частично-объектном уровне: молочник – пенис-соска, жена и подруга – груди» (Мельтцер, 1973, стр. 112).

Две подруги в сновидении, следовательно, рассматриваются автором просто как груди. Знак одинаковости в тексте указывает на прямой перевод символа сновидения. Читая текст, я спросил себя, подошла ли бы мне самому эта интерпретация, и, к сожалению, допускаю, что не принял бы ее. Теперь я задам вопрос вам. А вы поняли бы это так? А теперь я расширю вопрос: возможно мы могли бы это знать? А если так, то как мы могли узнать?

Это касается старой проблемы: Всегда ли определенные символы сновидений репрезентируют одно и то же? Если это так, то мы могли бы просто посмотреть в словаре символов и найти там интерпретацию. И если бы в распоряжении у психоанализа была бы точная история открытий, то мы бы также обнаружили, у кого впервые появилась идея, что женские груди могут быть представлены в сновидении двумя подругами или сестрами, и когда это открытие было сделано.

2. Санкционирование открытия символа

Сейчас, хотя у нас нет надежного словаря символов или детальной истории открытия, мы, однако, находимся в удачном положении, чтобы быть в состоянии сказать, какого числа и почти в какое время дня это открытие было санкционировано лично Зигмундом Фрейдом. Поскольку это не было его открытие.

Это было 10 мая 1911 года. 18 членов и один гость-студент собрались на научное собрание Венского психоаналитического общества. В протоколе (Найберг и Федерн, 1962), написанном Отто Ранком говорится, что в самом начале собрания профессор Фрейд предлагает продолжить совместное исследование символов, предложенное на Конгрессе в Нюрнберге в 1910 году.

В докладе дальше сказано:

«В качестве первого вклада проф. Фрейд ссылается на пример, который блестяще подтверждает, по-видимому, произвольное утверждение Штекеля, в котором ценная интерпретация дается, исходя из определенно

второстепенных деталей. Пациент, который сейчас привносит свой кастрационный комплекс на передний план, в сновидении сталкивает свою сестру с двумя подругами, которые сами сестры. Он поздоровался за руку с двумя подругами, но не со своей сестрой. Это выдается, что две подруги являются грудями».

Выражение Ранка заставляет нас обратить внимание на формулировку «по-видимому произвольное утверждение» Штекеля «блестяще подтверждено». Очевидно, кто-то высказался несправедливо по отношению к кому-то - «по-видимому, произвольное утверждение». Эта несправедливость должна быть скорректирована – «блестяще подтверждена». Очевидно, что здесь приводится конфликт, который имеет историю и, как будет видно, катастрофическое последствие.

Имя протагониста уже упоминалось. Им был Вильгельм Штекель, и его имя будет вам, вряд ли, знакомо до тех пор, пока вы не натолкнетесь на него в «Интерпретации сновидений» Фрейда. Поскольку в более поздней литературе по психоанализу его имя едва упоминается, и сегодня оно почти забыто.

По какой причине Фрейд хвалит Штекеля за «блестящие подтверждение»? Непосредственной причиной была встреча, которая состоялась несколькими неделями ранее. 29 апреля 1911 года Фрейд с 21 членом «Клуба по средам» обсуждали новую пространную работу под названием «Язык сновидений» (“Die Sprache des Traumes”).

Автор – вышеупомянутый Вильгельм Штекель, который после эпохальной работы Зигмунда Фрейда 1900 года теперь, в 1911 году, представляет свою собственную книгу сновидений. Восприятие этой книги «Клубом по средам» очень критично. Едва ли были сказаны какие-либо доброжелательные слова или слова благодарности. Автор идет домой очень разочарованный и позже пишет, что это, как если бы архитектор представил большое здание с множеством комнат, а критики обратили внимание только на ванную комнату и придрались к ней.

На вышеупомянутой майской встрече Фрейд, очевидно, заботился о смягчении обиды. Поскольку Ранк затем добавляет в протоколе: «В заключение проф. Фрейд упомянул о непосредственной причине нового обсуждения совместного изучения символов - ошибочной рецензии на Книгу сновидений Штекеля, лишенной какого-либо понимания со стороны Курта Менделя; и он выразил надежду, что с помощью объединенных усилий будет достигнут успех в верификации символизма Штекеля и коррекции его слабостей».

3. Организатор, пропагандист и «вынюхивающая трюфель свинья» психоанализа

Кем был этот Вильгельм Штекель?

Штекель был одним из наиболее значительных пионеров раннего психоанализа. Основание «Клуба по средам» произошло по его инициативе. Он был наиболее трудолюбивым пропагандистом

психоанализа в общественной прессе и соиздателем и редактором первых психоаналитических периодических изданий. Он был одарен чрезвычайно богатым воображением, и являлся пионером во многих областях психоанализа, таких как, например, психосоматика, сексуальные нарушения, психология сновидений или психоаналитическая интерпретация литературы. Он разработал первый тип краткой психотерапии, своего «активного анализа». Он писал очень много, и какое-то время его работы были так же хорошо известны, как и Фрейда.

Вильгельм Штекель (см. Clark-Lowes, 1999) родился 18 марта 1868 года в Бойане, который тогда находился в составе Австрийской Буковины, а сегодня является частью Украины. Его родители были ортодоксами, позже – либерально мыслящими евреями, жаждущими образования. Его отец был деловым человеком. У Штекеля был старший брат и младшая сестра. Когда ему был год или два, его семья переехала в Черновцы – столицу Буковины, которые также были важным культурным центром. Штекель был живым беспокойным одаренным ребенком. В раннем возрасте он проявлял одаренность в музыке и симпатии к поэзии и литературе. Он учился игре на скрипке и фортепиано как виртуоз и занимался с друзьями музыкой дома до конца своей жизни. Его сын (у него была одна дочь и один сын) позже стал широко известным дирижером и композитором.

После окончания средней школы в Черновцах Штекель поступил на медицинский факультет Венского университета. На третий год обучения он, чтобы получить грант, записался на обучение, чтобы стать военным врачом. После окончания базового курса по медицине он продолжил свое обучение с 1890 года с Мейнерт и Краффт-Эбингом, в чьей клинике он практиковал.

Краффт-Эбинг сыграл важную роль в развитии его интереса к сексологии, и как человек-единомышленник склонил его к пацифизму. Штекель познакомился с Бертой фон Суттнер (Bertha von Suttner, Нобелевская премия мира 1905 года) и основал пацифистское студенческое общество в Вене. В 1891 году он принимал участие в Международном пацифистском конгрессе в Берне, но немного позднее его интерес к пацифизму прошел. Из-за своих военных обязательств он не смог использовать сотрудничество, предложенной ему Краффтом-Эбингом. Позже, однако, он смог избавиться от этих обязательств. Как доктор и молодой муж, он в конце концов в возрасте 26 лет в 1894 году открыл общую медицинскую практику.

В 1895 году он опубликовал свою первую медицинскую работу «О коитусе в детстве» (On Coitus in Childhood). В ней он описал наблюдения за сексуальной активностью маленьких детей; частично они имели автобиографическую природу. Фрейд использовал эту работу, чтобы показать, что другие до него тоже обнаружили детскую сексуальность. Но Штекель определенно не осознал теоретической важности своего наблюдения (Nitzschke, 1992).

Штекель был, очевидно, восторженным и оптимистичным врачом. Он работал и как практик, и писал специальные медицинские статьи, но прежде всего преуспел в популяризации медицинских тем в серьезной прессе, так что его можно назвать медицинским журналистом. Когда он

посвятил себя непосредственно психоанализу, он стал наиболее влиятельным публичным пропагандистом Фрейда. Первый биограф Фрейда – Фритц Виттелз (Wittels, 1924) написал следующее ставшее знаменитым предложение: «Ротационные печатающие машины всех немецких ежедневных газет стонали под панегириками ему». Но в течение своей жизни Штекель также публиковал литературные произведения, поэмы, маленькие пьесы и провел множество публичных лекций.

По-видимому, он встретил Зигмунда Фрейда еще в 1891 году, когда проходил практическое обучение в клинике Кассовиц, где Фрейд возглавлял неврологическое отделение. Но только после наступления нового века у них развивается более тесный личный контакт, когда Штекель был пациентом Фрейда в течение нескольких сессий из-за личных проблем.

Не кто иной, как Вильгельм Штекель, предложил Зигмунду Фрейду в 1902 году встречаться для проведения научных дискуссий. Вначале в квартире Фрейда встречались пять врачей (Альфред Адлер, Зигмунд Фрейд, Макс Кахане и Вильгельм Штекель). Это было оригинальным «Клубом по средам», который позже развился в Венское психоаналитическое общество и Международное психоаналитическое общество. Отчеты о собраниях «Клуба по средам» от 1906 года доказывают, что Штекель был одним из наиболее частых докладчиков. Была, например, проведена, в несколько этапов, выдающаяся дискуссия о том, опасной или безопасной является мастурбация. Штекель придерживался противоположного Фрейду мнения, настаивая, что мастурбация как таковая является полностью безопасной и может быть причиной болезни, только если сопровождается конфликтными фантазиями.

Вскоре Штекель начал сам проводить психоанализ. В 1908 году он оставил свою общую практику, чтобы сосредоточиться только на работе психотерапевта. Его первой значительной работой была «Невротические состояния тревоги и их лечение» («Nervous States of Anxiety and their Treatment», 1908), над которой он работал под непосредственным и не полностью волонтерским наблюдением Зигмунда Фрейда, который не очень охотно написал к ней предисловие. У Штекеля было противоположное мнение относительно предположения Фрейда о том, что неврозы тревоги, под которыми подразумевались «актуальные неврозы», имеют органическую причину. Штекель подвел Фрейда к признанию форм невроза тревоги, который базировался только на психологических конфликтах и который Фрейд назвал «истерией тревоги». Очень странно читать, что Штекель защищал понятие конфликта от Фрейда, поскольку мы все привыкли видеть во Фрейде теоретика конфликта, и забываем, что в первоначальных концепциях Фрейда объяснения искали в органических условиях (так называемый «актуальный невроз»).

В 1911 году увидела свет уже упоминавшаяся публикация Штекеля «Язык сновидений».

Ссора с Фрейдом, которая привела к уходу Штекеля из Венского общества в 1912 году, является сложной, полностью не проясненной историей. Согласно Куну (Kuhn, 1998) Фрейд не смог простить вопиющей

несправедливости, допущенной по отношению к нему на Нюрнбергском конгрессе 1910 года. При основании Всемирной психоаналитической ассоциации Фрейд хотел избрать Карла Густава Юнга пожизненным президентом. Это привело к драматической сцене. Венская группа под руководством Штекеля и Адлера выступила против этого предложения. Джонс (Jones, 1953) пишет в своей биографии (переведенной из немецкого издания):

«Фрейд, узнав, что некоторые из них в гостиничном номере Штекеля провели митинг протеста, обратился к ним со страстным призывом к согласию. Он подчеркнул, что они насколько сильно окружены недоброжелательством и что было необходимо положиться на специалистов вне их круга. Затем он объяснил, драматически сбросив свой сюрик: «Мои враги были бы рады, чтобы я умер с голоду; больше всего им хотелось бы отнять у меня всё!».

Эта сцена, должно быть, была еще более смущающей для Фрейда позже, когда он понял, каким ошибочным был выбор К.Г. Юнга. Все же, конечно, это было не единственной причиной роста антипатии по отношению к Штекелю, который вместе с Адлером был редактором «Zentralblatt für Psychoanalyse». В деле Адлера Штекель был на стороне Адлера, протестуя против его исключения. Сам он, однако, оставался членом Венского общества и единственным редактором «Zentralblatt». Когда Фрейд предпринял попытку осуществления полного контроля над газетой, с обеих сторон были проведены хитрые маневры, которые в конце концов обеспечили Штекелю редактирование, которое он продолжал без Фрейда до начала Первой мировой войны. Фрейд, однако, способствовал уходу Штекеля из Венского общества. Когда Штекель позднее предпринимал несколько попыток примирения, последняя из которых была в 1939 году, когда Фрейд эмигрировал в Англию, Фрейд не отвечал.

Когда в 1914 году разгорелась Первая мировая война Штекель, так же как и Адлер и другие, были мобилизованы как военные врачи.

В последующие годы, Штекель выпустил свою десяти томную работу «Нарушение импульсов и эмоций (Парапатологические заболевания)», которая выдержала несколько изданий и была переведена на английский язык в США, а отдельные тома – и на другие языки. В течение двух десятилетий он, возможно, был самым известным психоаналитическим автором после Фрейда.

Кроме своих основных работ он опубликовал множество индивидуальных статей, таких как руководство «Письма матери» (3 тома), которое увидело свет на 22 языках. Студенты Штекеля собирались, чтобы обсуждать его «Активный психоанализ». Из этого однако не возник в дальнейшем круг последователей Штекеля.

В день «Anschluss», когда Австрия была захвачена Фашистской Германией (12/13 марта 1938 года), Штекель со своей семьей незамедлительно покинул Вену и уехал в Лондон через Швейцарию. Здесь он окончил свою жизнь 25 июня 1940 года, совершив суицид в результате серьезной болезни.

Штекель является, безусловно, наиболее впечатляющей фигурой первых двух десятилетий психоанализа. В течение длительного времени мир, вероятно, узнал больше о психоанализе через посредничество Штекеля, чем через оригинальные работы Фрейда, поскольку Штекель был неослабевающим пропагандистом, который как медицинский журналист наводнил Австрию и Германию периодическими изданиями, в которых обозревались и обсуждались психоаналитические темы. Ни один другой психоаналитический автор из его современников никогда не публиковал так много материала о сновидениях и психоаналитических проблемах. Тот факт, что его работа является также первоклассной документацией истории цивилизации, очевидно, до настоящего времени остался незамеченным.

Психоанализ обязан Штекелю богатством открытий и изобретений, которые, хотя и упоминаются в исторической литературе, до настоящего времени глубоко не изучены, поскольку Штекель рассматривался как персона нон грата и серьезно не воспринимался после своей ссоры с Фрейдом.

Только недавно к нему снова возник интерес (Bos 2003, Bos и Groenendijk, 2004, 2007), Clark-Lowes (1999, 2001), Kuhn (1998), Nitzschke, 1992)).

Он, должно быть, был бойким человеком, полным идей, с колоссальным и плохо управляемым воображением. После восприятия или веры в то, что он воспринял сущность революции Фрейда, он, не колеблясь, погружался в эти идеи и развивал свои собственные идеи и методы. И хотя всегда, до самого конца, признавая Фрейда своим наставником, он никоим образом не был скромным, но скорее, напротив, очень уверенным в себе и даже в том, что мог бы превзойти своего учителя. Он высказывал самоуверенное замечание: «Карлик на плече гиганта видит дальше, чем сам гигант», - на что Фрейд предположительно ответил: «Да, но не вошь на голове астронома!». Штекель был одним из наиболее проникательных участников «Клуба по средам» и лидером в дебатах по важным научным спорным вопросам. Он очень много написал. Каталог Гринстайна содержит 365 единиц, а его биограф Кларк-Льюис идентифицировал более 500 названий.

Его стиль радикально отличается от стилистической элегантности Фрейда. Штекель пишет, без сомнения, небрежно и, главным образом, без ограничений. Если о Фрейде говорится, что он воспринимает своего читателя серьезно, как критика и партнера по дискуссии, и риторически спорит с ним, образом чего являются его Вводные лекции, то Штекель бесечно выкрикивает полным голосом свои психоаналитические находки в мир. Оглядываясь в прошлое, можно легко вообразить себе, как Фрейд обливался кровавыми слезами, когда он видел, как его последователь ведет себя таким образом.

Штекель видел себя практиком, то есть врачом, чьим основным интересом является возможно скорейшее выздоровление его пациента. Он не был заинтересован в развитии усложненных теорий и, по-видимому, не понимал важности намерений Фрейда. Наоборот, он был одаренным феноменологом, чем он гордился. Его воспринимали прежде всего как одаренного интерпретатора бессознательного символизма. Эрнст Джонс

даже считал его дар большим, чем дар Фрейда, и даже сам Фрейд сделал в этом смысле случайное замечание.

И, наконец, для него типично, что он был явным собирателем. Его основные десять томов его работ состоят в основном из изучений случаев, часто собранных под не очень систематическими заголовками. В своем «Языке сновидений» он настаивал, что знает более десяти тысяч сновидений, из которых он, во всяком случае, представил 594 последовательно пронумерованных сновидений. Его изучения случаев варьировались по длине. Некоторые состоят всего из нескольких предложений, другие – из целых глав. Если его упрекали за то, что он базировал свои интерпретации на интуитивном понимании символов, то читатель заметит, что он часто также обеспечивал ассоциативный материал, крайне богатый в деталях. Он не выступает против метода ассоциаций Фрейда и обращается ко всем важным методологическим принципам Фрейдовского психоанализа, которые были известны до приблизительно 1915 года. Когда разногласия между Фрейдом и Штекелем уже усиливались, Фрейд с К.Г.Юнгом высмеивали его в своей переписке. Фрейд называл его «свиньей, вынюхивающей трюфели» (письмо от Фрейда к Юнгу, 240 F: 14. 3. 1911), а Юнг отвечал: «Было бы позором, если бы мы утратили его нюх» (256 J: 18. 5. 1911). Что вызывало отвращение у Фрейда, так это огромная коллекция символов сновидений в книге Штекеля, которые он не очень глубоко продумывал и которые были представлены с помпой. В то же время Фрейд не мог сдержать свое восхищение Штекелем и писал Юнгу: «Но, тем не менее, он в основном прав в своих утверждениях о бессознательном, с которым он на значительно более короткой ноге, чем мы» (253 F: 27. 4. 1911).

4. Проблема символизма в сновидениях

Что под этим подразумевается? В своей книге о сновидениях Штекель представил следующий аргумент: Фрейдовский метод ассоциаций с деталями сновидений не срабатывает, когда символы сновидений не могут быть поняты индивидуально или происходят из виртуально всеобщего языка сновидений. Такие символы ничего не подсказывают видящему сон, и аналитик должен понять правильное значение символа посредством своих собственных знаний или интуиции. Вместе с тем, большее значение придается очевидному содержанию сновидения (manifest dream content). Эта процедура противоречит основной рекомендации Фрейда исходить в интерпретации из ассоциаций пациента.

По его мнению, с которым мы все знакомы, латентное содержание сновидения изменяется посредством процесса сновидения и его хорошо известных механизмов (сгущение, замещение и т.д.) в приемлемую для видящего сон форму, которая, если возможно, не возбудит его. Задача психоанализа состоит, таким образом, в том, чтобы идти, так сказать, в направлении обратно к процессу сновидения или, скорее, в исследовании латентного содержания сновидения через ассоциации пациента. Прямая интерпретация символов могла бы быть неподходящим упущением в этой трудной работе над сопротивлением.

Однако Фрейд считал себя вынужденным включить главу о символизме в сновидениях в позднее издание «Интерпретации сновидений». Даже в предисловии к третьему изданию 1911 года он написал: «Мой собственный опыт, так же как и работы Вильгельма Штекеля и других, с тех пор научили меня формулировать более верную оценку степени и важности символизма в сновидениях (или, скорее, в бессознательном мышлении)». (Freud, S.: Standard Edition, Vol.IV, p. XXVII)

Все же только в седьмом издании 1925 года он написал введение, из которого я привожу цитату, поскольку это относилось не только к персональному конфликту, но также к научной проблеме (Freud, S.: Standard Edition, Vol.V, p. 350):

«Анализ этого последнего, биографического сновидения – ясное свидетельство тому, что я распознавал наличие символизма в сновидениях с самого начала. Но это происходило только постепенно, и, поскольку мой опыт увеличился, я достигал полного понимания его распространенности и важности, и я делал это под влиянием вклада Вильгельма Штекеля (1911), о котором нелишне будет здесь упомянуть.

Этот автор, который, возможно, повредил психоанализу настолько же, насколько он принес ему пользу, выдвинул большое количество неопределенных переводов символов; прежде всего они были встречены со скептицизмом, но позже они были большей частью подтверждены и должны были быть приняты. Я не умаю ценности достижений Штекеля, если добавлю, что скептическая сдержанность, с которой были приняты его предложения, была небезосновательной. Примеры, которыми он поддерживал свои интерпретации, были часто неубедительными, и он использовал метод, который должен быть отклонен как с научной точки зрения ненадежный. Штекель добивался успеха в своей интерпретации символов путем интуиции, благодаря специфическому дару их непосредственного понимания. Но на существование такого дара нельзя полностью рассчитывать, его эффективность вне всякой критики и, полученные с его помощью данные не претендуют на правдоподобие».

За этим вердиктом следует странное добавление:

«Это как будто кто-то основывает диагноз инфекционных заболеваний на обонятельных впечатлениях, полученных возле кровати пациента, хотя здесь без сомнения были клиницисты, которые могли достичь посредством обоняния большего, чем другие люди (у которых оно является обычно атрофированным), и были действительно способны диагностировать заболевание по запаху».

После формулировки дальнейших предостережений, связанных с использованием символизма, Фрейд начинает составлять их список. Перечисляются как наиболее известные, но также и пользующиеся наиболее дурной славой пассажи в работе Фрейда:

«Император и императрица (или король и королева), как правило, представляют родителей видящего сон; а принц и принцесса представляют самого или саму сновидца/сновидицу. Все удлиненные объекты, такие как палки, ветки и зонты (открытые зонты могут быть сопоставимы с эрекцией) могут символизировать мужской орган, так же как и длинное, острое оружие, такое как ножи, кинжалы и пики. Матку представляют

коробки, чемоданы, ящики, буфеты и духовки, а также пустые объекты, корабли и суда всех видов», - и так далее.

Цитируемое введение Фрейда написано после крупной ссоры, в результате которой Вильгельм Штекель был вынужден покинуть Психоналитическое общество Вены. Фрейд в своих работах редко использовал такие резкие тона, когда выражал свое мнение об авторе, как он делал это с Вильгельмом Штекелем, о котором он позднее даже отзывался как о «полностью заблуждающемся»: «Кто сначала сделал такую похвальную работу, но потом начал полностью заблуждаться» («Из истории психоаналитического движения» 1914 года). Штекель позднее в 1926 году противопоставляет версии Фрейда свою собственную «Историю психоаналитического движения» 1926.

Текст Фрейда, однако, выявляет, значительно более важный конфликт, а именно конфликт между наукой и интуицией. С одной стороны, Фрейд подчеркивает обоснованность полученных Штекелем данных. Он также описывает, что требуются особые личные способности, чтобы понять эти символы. С другой стороны, однако, он настаивает, что эти данные получены ненадлежащим научным методом и не вызывают доверия. То, что можно с одной стороны подчеркивать валидность полученных данных, тем не менее, отрицая их достоверность с другой, является логическим противоречием, которое Фрейд не объясняет. Но его пример врача, нюхающего своего больного пациента в кровати, указывает на его затаенную утопическую мечту: должен быть научный метод для объяснения неврозов или объектов сновидений так же точно и однозначно, как, наверное, бактериология это делает с инфекционным заболеванием. Я возвращусь к вопросу, что случилось с этой мечтой спустя сто лет.

Позвольте объяснить эту проблему, используя следующий пример:

Взрослая женщина, перерабатывая с Фрейдом вопрос враждебности сиблингов, вспоминает сон, который она видела в возрасте четырех лет (Standard Edition: Vol. V, p.253):

«Целая толпа детей – все ее братья и сестры и кузены обоих полов – шумно играли в поле. Неожиданно у них у всех выросли крылья, они улетели и исчезли.

У нее не было никакой идеи относительно того, что означает этот сон, но нетрудно распознать, что в нем в оригинальной форме была представлена мечта о смерти всех братьев и сестер, и на него только слегка повлиала цензура. Я могу рискнуть предложить следующий анализ. По случаю смерти одного из всей этой толпы детей видящая сон женщина, будучи в это время четырехлетней, должно быть, спросила какого-то мудрого взрослого человека, что становилось с детьми, когда они умирали. Ответом должно быть было: «У них вырастали крылья, и они превращались в ангелов». В сновидении, которое последовало как реакция на этот фрагмент информации, у всех братьев и сестер были крылья, как у ангелов и, что является основным моментом, они улетели. Наш маленький ребенок-убийца остался сам, странно сказать – единственным выжившим из целой стаи! Мы вряд ли ошибемся, предполагая, что тот факт, что дети шумно играли *в поле* перед тем, как улетели, указывает на бабочек. Это как будто ребенок следовал той же цепочкой размышлений, что и люди античности, чтобы изобразить душу с крыльями бабочки».

Этот пример может быть использован для иллюстрации идеи Фрейда о надлежащем – научном – анализе, который он для этого «предназначает». Поскольку женщина, видящая сновидение, ассоциирует и выбирает подходящий материал из своей биографии. Образ сновидения был сформирован из знания, переданного ребенку из мира взрослых. Анализ сновидения следует за следами памяти, которые были сжаты в фантазию сновидения. Это то, как должно было быть. Но это было не так. Пациентка Фрейда не могла вспомнить ничего, кроме сновидения, и Фрейд понимал это даже без ассоциаций. Поэтому именно его интуиция позволила ему понять сновидение, а также дала возможность подумать о том факте, что мотив души-бабочки хорошо известен из греческой мифологии.

Подобным образом Фрейд поступает в своей хорошо известной краткой работе «Воспоминания детства из 'Dichtung und Wahrheit'» (1917, «Поэзия и истина»). Иоганн Вольфганг Гете сообщает, как, будучи маленьким ребенком, с возрастающим восхищением выбрасывал кухонную посуду из окна на улицу, где она разбивалась на куски. Фрейд трактует эту историю как воспоминание, покрывающее детские желания смерти младшим сиблингом. Но он добавляет, что он бы не отважился бы сделать эту интерпретацию предметом обсуждения, если бы не то, что двое его пациентов демонстрировали свое отвращение по отношению к новорожденным сиблингам похожим образом. Мы имеем дело с символическими действиями, важности которых деятель не осознает. Психоаналитик может только предположить их значение.

С теоретической точки зрения Фрейд классифицировал символическую репрезентацию как механизмы работы сновидений. Она служит цели подавления и превращения нежелательного содержания в нераспознаваемое. Все же рассматриваемые символы являются, по его мнению, частью не бессознательного, а, скорее, предсознательного. Фрейд склонялся к мнению, что существует группа предсознательных символов, которые являются всеобщими для всех человеческих существ, как своего рода проязык. Фактически тогда они не подавляются, а, скорее, используются для подавления. Позже, в своей работе по символизму Эрнст Джонс (1916) поддерживал мнение, что этот слой символики не является врожденным, но должен быть заново создан каждым индивидуумом.

5. Символизм смерти Штекеля

Я тщательно выбрал маленькие примеры из работ Фрейда, поскольку у них есть общая тема, а именно, фантазии о смерти или даже желания смерти. Это обеспечивает мне переход к важному содержанию книги о сновидениях Штекеля, в которой, подчеркивая доминирование сексуального символизма, Штекель, однако, посвятил шесть глав исключительно символизму смерти.

Я попытаюсь наметить в общих чертах его подход.

У Штекеля была одна главная идея, которой он очень гордился. Он называет ее «биполярностью». Как он сам, так и другие комментаторы связали ее с понятием амбивалентности, разработанной Блейлером

(Bleuler), но я не думаю, что это достаточно корректно. Идея Штекеля, кажется, заключается в том, что ни одна эмоция или даже идея не может существовать без того, чтобы в то же время в момент своего создания не вызывать свою противоположность. Эмоции и мысли, следовательно, встречаются только в противоположных парах. Любовь и ненависть, жизнь и смерть, садизм и мазохизм, гетеросексуальность и гомосексуальность, так сказать, никогда не могут быть психологически репрезентированы сами по себе. На эту идею также намекал Фрейд, например, в своей статье "Vom Gegensinn der Urworte" («Противоположное значение первичных (основных) слов» (Stand.Ed. Vol XI (1910))). Возможно, это может быть понято следующим образом: мысль, также как и эмоция, вообще может представлять себя в психологическом отношении, если она выделяется из чего-то еще, имеющего противоположный или обратный ей образ. Это является принципом фигуры и фона в гештальтпсихологии (в лингвистике, между прочим, тоже: знак – «сигнификанд» - может быть определен только через его отличие от других знаков). Конечно, проблемой с этим является то, как в каждом случае определить другой полюс в биполярности. Теперь о Штекеле говорят, что он был первым, кто сказал об инстинкте смерти. Штекель детально не теоретизировал об инстинкте смерти, как мы видим это позже у Фрейда, но исходит из понятия биполярности. Желание жить, понимаемое у Фрейда как инстинкт самосохранения его и его биологического вида, является фундаментальным для Штекеля и представляет себя как сексуальный драйв. Сексуальность является выражением желания жить или воли к жизни. Эта воля к жизни выступает против угрозы, представляемой смертью, а также против подавленного желания дезинтеграции в смерти. Это имеет два последствия:

Во-первых, психологическая репрезентация воли к жизни не может происходить без одновременного имago смерти.

И, во-вторых, страх – это всегда страх смерти. Можно сразу же увидеть, что первая теория страха Фрейда – страх как трансформация либидо – ничего не значила для Штекеля. Более того, вся фрейдистская метапсихология ничего для него не значила. Это имеет ироническое последствие: у Фрейда развивалась все большая антипатия по отношению к Штекелю, поскольку последний в его глазах не мог восприниматься серьезно как ученый, а это вредило репутации психоанализа. Штекель как практик, наоборот, возможно, рассматривал метапсихологические конструкции Фрейда как ненужную ерунду.

Штекелевская концепция биполярности желания смерти и побуждения к жизни имела для него практический результат, который он выразил в следующем предложении: «Нет сновидения без темы смерти». Такие изречения являются типичными для Штекеля. Вначале они звучат так, как будто бы собираются устанавливаться законы. Но Штекель не был законодателем. Скорее, это случай боевого клича или, говоря более вежливо, - методологических принципов: смотрите, сможете ли вы найти ключ к страху смерти или к стремлению к смерти в противоречивой путанице актуального сновидения.

Это приводит нас к «трюфелям» Штекеля. Я ограничусь лишь примерами из его глав о символизме смерти.

Там он пишет, что ходьба в сновидении или, более широко, отъезд (уход) содержит символ смерти.

Примеры:

(373): «Мой отец должен отправиться в длительную поездку...»

Комментарий Штекеля: «то есть он должен умереть»

(374): «Моя жена вышла из комнаты и оставила меня одного...»

Комментарий Штекеля: «то есть она умерла»

(377): «Я видел моего лучшего друга, М-ра Джозефа С., входящим в маленький дом»

Комментарий Штекеля: «Этот маленький дом является могилой»

«Один из моих пациентов, например, видел стереотипный сон, что его отец собирается совершить прогулку в горы или сложное восхождение»:

(379): «Я вижу своего отца, поворачивающегося ко мне спиной с рюкзаком. «Куда ты едешь теперь, зимой?»- Кричал я, пораженный. - «В горы»,- звучало в ответ»

Это сновидение изобилует символами смерти. Отец поворачивается спиной, то есть он умирает. «Куда ты едешь зимой (добавим: в своей жизни)? Ответом является – к моей смерти».

Основываясь на таких примерах, Штекель делает такие огульные утверждения, как:

«Уходить» и «продолжать путешествовать», «идти домой», «уезжать», «идти домой», «покидать комнату», «неожиданно исчезать» являются символами смерти. «Закрытие за вами дверей обычно означает «умирание» в сновидении» (стр.321) и так далее.

Наконец, транспортные средства, используемые для отъезда, такие как поезд, самолет, вагон, лифты и, наконец, даже такое передвижение как езда на велосипеде, катание на санях, на роликах должны рассматриваться в этом контексте.

Из-за привычки Штекеля к накоплению таких связей символов и представления их в качестве фактов, его тексты трудны для чтения и вызывают рост сопротивления. Соединяющие, объясняющие размышления обычно пропускаются, возможно, потому, что он считает их ненужными.

Что может быть таким соединяющим размышлением в этих примерах Фрейда и Штекеля? Во всех случаях сновидение показывает движение «вдаль отсюда». Бабочки Фрейда улетают, и молодой Гете выбрасывает посуду из окна, видящие сон люди Штекеля уходят, удаляются или уезжают разнообразными способами. Фантазия об объектных отношениях,

представленная в этих образах, является фантазией о сепарации, либо фантазией о том, что порождает ужас, в случае чего эмоция является эмоцией страха сепарации или потери, либо нарциссическое Эго хочет уничтожение травмирующего объекта.

Часто говорилось, что сновидения используют те же средства, что и поэзия. Здесь приходит на ум поэма швейцарского поэта Конрада Фердинанда Мейера “Die Stapfen” (Шаги). В этой поэме поэтическое Я, после встречи со своей возлюбленной, возвращается бок о бок с ее следами на влажной земле. Шаги или следы, идущие в противоположном направлении, являются широко известным «похоронным» символом. Если можно думать и о пустых ботинках с их носками, обращенными назад у павшего кавалериста на военной похоронной церемонии. Я подозреваю, однако, что К.Ф.Мейер нашел свой поэтический образ совершенно без таких знаний, следовательно, то же происходит и в сновидении.

Штекель говорит, что ему потребовались годы, чтобы обнаружить символизм смерти в сновидениях. И что он никогда не обнаружил бы его, если бы полагался только на метод ассоциаций. Поскольку мысль о смерти является даже большим табу, чем сексуальность. Он выдвигает против Фрейда то возражение, что ассоциации не только обнаруживают бессознательное, но также приносят новые препятствия. По этой причине он подчеркивает – в противоположность Фрейду – значимость очевидного содержания сновидения, которое психоаналитик должен понять с помощью своей интуиции.

6. Научный подход против интуиции

В своей «незваной» биографии Фрейда Фриц Виттелс (Fritz Wittels) в 1924 году уже высказал подозрение, которое разделяется биографом Штекеля Кларком-Льюисом, что Фрейд аналогичным образом натолкнулся на науку психоанализа благодаря своему дару интуитивного наблюдения, но в результате своего научного воспитания у него всегда была из-за этого нечистая совесть или, по меньшей мере, беспокойство, что контакт с медицинской академической наукой под угрозой. У Штекеля не было таких предчувствий, и он был, следовательно, способен стать той фигурой, на которую проецировалась интуитивная часть Фрейда, используемая только амбивалентно.

Фрейд и его преемники, Психоаналитическое сообщество, всегда искали контакт с наукой, как она понималась в 19-м и 20-м веках. События 1910 года являются трагикомическим примером этого. Фрейд хотел связать свою новую науку с университетом, примкнув к Блейлеру, и он хотел предвосхитить антисемитизм, передав лидерство белокурому тевтону Юнгу. Нам известно, как это закончилось: Блейлер повернулся к психоанализу спиной, а Юнг, также, пошел своим собственным путем. Фрейд никогда ни минуты не сомневался, что он был ученым, и что психоанализ является наукой. Но какого типа? Естественной наукой?

Гуманитарной наукой? Прошедшая сотня лет не дала ответ на этот вопрос, и Фрейд не избежал судьбы, которую он видел персонифицированной в Штекеле, а именно, быть заклеянным ненаучным подходом.

Мне очень нравится статья на эту тему, которая недавно появилась в немецком психоаналитическом периодическом издании “Psyche”. В ней швейцарский психоаналитик Джованни Вассалли (Giovanni Vassalli, 2005) полемизирует даже против определения психоанализа как теории. Он считает, что психоанализ должен пониматься с точки зрения своей «техники», то есть своего метода, ссылаясь на определение Фрейда от 1923 года. Там, во-первых, говорится: «Психоанализ – это название процедуры исследования процессов мышления, которые иначе едва ли доступны». Вассалли разрабатывает «эскиз эпистемологии психоанализа», который основывается на «предполагаемых» психологических процессах и, следовательно, фиксирует «предположительный разум». Предположительный разум впервые был описан Аристотелем, но постепенно исчез в ходе истории европейской мысли и был воскрешен только Ницше и Фрейдом. (В немецком языке существует два слова для того, что мы имеем в виду: Raten и Erraten. Raten (загадать) описывается, скорее, как акт, а Erraten – скорее, как процесс.) Интуиция определяет способность к Erraten. Если мы не обладаем этой способностью от природы, как Фрейд, Штекель, Мелани Кляйн и только очень немногие другие, то мы должны пытаться развить ее. И рассмотрение работ этих авторов поможет нам. Поскольку они никогда не устаревают!

Перевод

Литература

- Bos, Jap (2003): A Silent antipode: The Making and Breaking of Psychoanalyst Wilhelm Stekel. *History of Psychology*, 6, No 4. S. 331-336
- Bos, Jap and Leendert Gronendijk (2004): The art of imitation: Wilhelm Stekel's Lehrjahre. *Int. J. Psychoanal.*, 85, S. 713-729
- Bos, Jap and Leendert Gronendijk (2007): The Self-Marginalization of Wilhelm Stekel. *Freudian Circles Inside and Out*. Springer Science+Business Media, LLC, New York
- Clark-Lowes, Francis (1999): Wilhelm Stekel and the Early History of Psychoanalysis. Phil. Diss. University of Sussex. Unpublished.
- Clark-Lowes, Francis (2001): Freud, Stekel, and the Interpretation of Dreams: The Affinities with Existential Analysis. *Psychoanalysis and History* 3(1)
- Freud, Sigmund (1900): The Interpretation of Dreams. Standard Edition, Vol. IV
- Freud, Sigmund (1910): The Antithetical Meaning of Primal Words. Stand. Ed. Vol. XI
- Freud, Sigmund (1914): On the History of the Psycho-Analytic Movement. Stand. Ed. Vol. XIV
- Freud, Sigmund (1917): A Childhood Recollection from “*Dichtung und Wahrheit*”. Stand. Ed. Vol. XVII

Jones, E. (1953): Sigmund Freud. Life and Work. 3 Vol. London, The Hogarth Press

Kuhn, Philip (1998): 'A pretty piece of treachery': the strange case of Dr Stekel and Sigmund Freud. *Int. J. Psychoanal.*, 79, S.1151-1171

Meltzer, Donald (1973): Sexual States of Mind. Clunie Press, Perthshire Scotland

Nunberg, H. & Federn E. (Eds.): Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society. 4 Vols, Intern. Univ. Press, New York

Nitzschke, Bernd (1992): Wilhelm Stekel, ein Pionier der Psychoanalyse – Anmerkungen zu ausgewählten Aspekten seines Werkes. In: Federn Ernst/Gerhard Wittenberger (Hg., 1992): Aus dem Kreis um Sigmund Freud. Zu den Protokollen der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. Fischer Taschenbuch Verl. Frankfurt

Stekel, Wilhelm (1911): Die Sprache des Traumes. Verl. J.F. Bergmann, Wiesbaden 1911

Vassalli, Giovanni (2005): "Wir sind genötigt, ins Dunkle hinaus zu bauen" (S. Freud). Skizze einer Epistemologie der Psychoanalyse. *Psyche – Z Psychoanal* 59, 534-572

Wittels, Fritz (1924): Sigmund Freud. Der Mann, die Lehre, die Schule. E. P. Tal & Co. Verlag, Leipzig Wien Zürich

Werthmann, Hans-Volker (2007): Wilhelm Stekel. In: Sigusch Volkmär u. Günter Grau: Personenlexikon der Sexualforschung. In print.